

Блаженный Иероним Стридонский

Жизнь пленного монаха Малха преподобный Иероним Блаженный, Стридонский

Приготавливающиеся к морскому сражению сперва в порте и на спокойном море прекращают движение рулей, складывают весла, готовят железные лапы и якоря; и расставив на палубе солдат, приучают их держаться твердо на колеблющемся и шатком месте. Это – для того, чтобы, изучив примерную войну, они не утрашились, когда будут в действительном сражении. Так и я, после долгого молчания (меня заставил молчать тот, для кого речь моя служит казнию), хочу сперва испытать себя в малом рассказе и как бы счистить с языка некоторую ржавчину, чтобы быть в состоянии начать более обширную историю. Ибо я решился (если, конечно, Господь продолжит жизнь, и если поносящие меня оставят свои преследования по крайней мере в виду того, что я убегаю и прячусь от них) описать, от пришествия Спасителя до нашего века, т. е. от апостолов до последних дней нашего времени, каким образом и чрез кого получила бытие Церковь Христова, и как укрепившись возросла она во время гонений и увенчалась мученичеством, а после того как стала под покровительство христианских государей, усилившись могуществом и богатством, ослабела добродетелями. Но об этом в другое время. Теперь приступим к предположенному.

В расстоянии около тридцати миль от сирийского города Антиохии, несколько к востоку, находится деревня Марония. Эта деревня, после многих хозяев и опекунов, в то время, когда я мальчиком проживал в Сирии, поступила во владение родственника моего, папы Евагрия. Назвал я его здесь для того, чтобы показать, откуда узнал я, о чем хочу писать. Итак, жил там один старик, именем Малх, которого мы могли бы назвать по-латыни царем¹ по национальности и языку сириянин, так что в строгом смысле был коренным жителем того места. Жил он вместе с старухой, весьма дряхлою и, по-видимому, близкою уже к смерти. Оба они были так ревностно благочестивы и так часто посещали церковь, что их можно было бы счесть за евангельских Захарию и Елисавету, если бы между ними был Иоанн. Когда из любопытства я спрашивал у местных жителей, какая была

между ними связь: супружеская ли, или кровная, или духовная, – все в один голос отвечали, что они люди святые, благоугодные, и намекали на что-то удивительное. Увлеченный любопытством, я настойчиво приступил к этому человеку, и тщательно выведывая истину дела, узнал от него следующее.

«Я, – говорил он, – по рождению – земледелец из низивийской деревеньки, был один у своих родителей. Когда они принуждали меня, как отрасль рода своего и наследника своей фамилии, вступить в брак, я отвечал, что лучше хочу быть монахом. Сколько ни преследовали меня – отец угрозами, а мать ласками, это послужило только к тому, что я убежал из дома и от родителей. Но так как я не мог идти к востоку по причине близости персидской границы и военной стражи римской, то повернул на запад, имея с собою какой-то маленький путевой запас, едва обеспечивавший самые необходимые мои потребности. И что же? Я достиг однако же пустыни Халкидской, которая лежит южнее Иммы и Берои. Нашедши там монахов, я отдал себя руководству их, приобретая пищу трудами рук и обуздывая сладострастие плоти постом. Спустя много лет во мне пробудилось желание идти на родину. Мать моя еще была жива, а об отце я услышал, что он умер. Поэтому я хотел утешить ее вдовство, и потом, продав именье, часть раздать бедным, часть вложить в монастырь, а часть (зачем стыжусь я сознаться в своем вероломстве?) оставить себе на собственные издержки. Мой настоятель стал кричать, что это – дьявольское искушение, и что под благовидным предлогом скрываются козни древнего врага. Это значит де, что пес возвращается на свою блевотину. Он представлял мне очень много примеров из Писаний, в между прочим то, что изначально поводом к падению Адама и Евы была надежда стать божеством. Не могли же убедить, он, припав к коленам, умолял, чтобы я не покидал его, чтобы не губил себя, – взявшись за рало, не озирался вспять. Увы мне бедному: я одержал над увещателем самую жалкую победу, полагая, что он заботится не о моем спасении, а о своих выгодах... Итак, проводив меня из монастыря, будто покойника и погребение, и прощаясь в последний раз, он сказал: «вижу тебя помеченным печатью сына сатаны; не спрашиваю о причинах, не принимаю извинений. Овца, выбежавшая из овчарни, тотчас попадает в волчью пасть».

Если идти из Берои в Едессу, то по соседству с большою дорогою есть пустыня, по которой всюду шатаются сарацины, неизвестно где имеющие постоянное местопребывание. Опасение их собирает путешественников в тех местах в большие общества, чтобы взаимною помощью отклонить

угрожающую беду. Спутниками моими были мужчины, женщины, старики, юноши, дети, в числе около семидесяти. И вот неожиданно нападают измаильтяне, сидя на конях и верблюдах, с волосатыми и повязанными головами и полунагие, таща между тем епанчи и огромные сапоги: за плечами у них висели колчаны; потрясая большими луками, они держали длинные копья; не на сражение шли они, а на грабеж. Нас ограбили, рассеяли, потащили в разные стороны. И вот я, возвративший во владение давно оставленное наследство и горько раскаявающийся в своем поступке, шел в рабство вместе с другою женщиною к одному господину, которому достался. Нас вели, даже везли – высоко на верблюдах; и чрез всю обширную пустыню, постоянно угрожаемые падением, мы скорее висели, чем сидели. Полусырое мясо было нам пищею, верблюжье молоко – питьем.

Наконец, перебравшись чрез большую реку, мы достигли внутренности пустыни, где, услышав приказание почтить по обычаю народному госпожу и детей, мы преклонили головы. Здесь будто заключенный в темнице, я научился ходить в другой одежде, т. е. нагим: потому что неумеренность климата не позволяла прикрывать ничего, кроме постыдного. Мне дали пасти овец, и сравнительно с вытерпенными несчастиями, я находил утешение в том, что реже вижу своих господ и находившихся в одном со мною рабстве. Я видел в себе нечто напоминающее святого Иакова; приводил на память Моисея: и они некогда были также пастырями в пустыне. Питался я свежим сыром и молоком; непрестанно молился, пел псалмы, которые выучил в монастыре. Плен мой доставлял мне удовольствие; и я благодарил суд Божий за то, что нашел в пустыне монаха, которого потерял бы на родине.

Но ничто небезопасно от диавола; многочисленны и неутомимы козни его! Так его ненависть нашла и меня, скрывающагося в неизвестности. Господин, видя, что стадо его увеличивается, и не замечая во мне никакого обмана (потому что я знал апостольскую заповедь, что рабы должны служить господам, как Богу (Ефес.6:5–8)), из желания вознаградить меня, чтобы сделать еще более верным себе, отдал мне известную, находившуюся в одном со мною рабстве, женщину, некогда взятую в плен. Когда я отказывался и говорил, что я христианин, что мне непозволительно взять жену живого мужа (потому что муж ее, взятый в плен с нами вместе, был уведен другим господином), неумолимый господин, пришедши в ярость, начал рубить меня обнаженным мечем. Если бы я тотчас же не протянул рук и не взял женщину, он на том же месте пролил бы кровь мою. Уже наступала более обыкновенного мрачная,

а для меня – чрезвычайно скорая ночь. Веду я в полуразрушенную пещеру новую супругу: заправляет нашу свадьбою скорбь, – клянем мы друг друга и не признаемся в этом. Тогда я почувствовал вполне свой плен. Простершись на земле, я начал оплакивать монашество, которое потерял, говоря: «до чего дожил я, несчастный? К чему привели меня мои злодеяния? – Когда стала уже седеть голова, я из девственника делаюсь мужем. Какая польза из того, что оставил я ради Господа родителей, отчизну, хозяйство, когда делаю то, из-за чего – чтобы не делать – я презрел все означенное! Разве потому, может быть, я теряю это, что пожелал возвратиться в отчизну. Что станем делать, душа: погибнем ли, или победим? Станем ждать руку Господню, или вонзим в себя острие собственного меча? Обрати на себя мечь: твоя смерть должна быть страшнее, чем смерть тела. И рабское целомудрие имеет свое мученичество. Пусть лежит без погребения свидетель Христов в пустыне; я буду сам для себя и гонителем и мучеником». Проговорив это, я извлек мечь, сверкавший и во тьме, и обратив к себе острие его, сказал: прощай, несчастная женщина; пусть лучше буду для тебя я мучеником, чем мужем. Тогда она, припав к ногам моим, сказала: «умоляю тебя Иисусом Христом и заклинаю этою торжественною минутою, не проливай на мою голову своей крови. Если же тебе хочется умереть, обрати прежде на меня мечь твой. Пусть лучше так мы соединимся друг с другом. Если бы даже возвратился и муж мой, и тогда я сохранила бы чистоту, которой научил меня плен или погибла бы скорее, чем потеряла ее. Зачем тебе умирать из опасения совокупиться со мною? Я сама умерла бы, если бы ты захотел этого совокупления. Итак, пусть буду я для тебя супругою целомудрия; пусть будет милее для тебя союз души, чем тела. Господа будут считать тебя мужем. Христос будет знать за брата. Мы легко убедим их в своем супружестве, когда они увидят, что мы так любим друг друга». Признаюсь, я был изумлен; удивленный женской добродетелью, гораздо более полюбил супругу. Однако же я никогда не смотрел на ее обнаженное тело, никогда не прикасался к плоти ее: я боялся потерять во время мира то, что сберег во время сражения. Очень много дней прошло в таком супружестве; наш брак сделал нас господам более любезными. Никакого подозрения на счет бегства нашего они не имели, хотя случалось, что я в качестве надежного пастуха стада уходил в пустыню на целые месяцы.

Спустя долгое время, сидя один в пустыне и не видя ничего кроме неба и земли, я стал в молчании размышлять сам с собою; между многим другим вспомнилось мне и сожителство монахов, и особенно – лицо отца моего, который меня учил, удерживал, потерял. Когда я размышлял так,

глаза мои остановились на муравьином стаде, которое кишело на узенькой тропе. Видны были ноши, превышавшие размером тела. Одни клещами рта таскали некоторые травяные семена; другие выносили землю из ямок, и отстраняли приток воды насыпями. Иные, имея в виду наступление зимы, обгрызали принесенные семена, чтобы они не проросли в житницах, когда отсыреет земля; а эти с торжественным сетованием выносили тела умерших. Но что еще удивительнее, при таком чрезвычайном множестве их, выходящий не мешал входящему; а еще лучше – когда видели, что кто-нибудь падал под бременем и тяжестью, подставив плечи, помогали. Вообще этот день доставил мне прекрасное зрелище. Припомнив по этому поводу Соломона, который отсылает нас к благоразумию муравья и возбуждает примером его ленивые души, я стал тяготиться пленом, мечтать о монастырских кельях, желать вести жизнь похожую на жизнь этих муравьев, где работают на общину, не имеют никакой личной собственности, но все принадлежит всем.

Когда я возвратился в берлогу, меня встретила жена. Душевной скорби я не мог скрыть на лице. Она спросила, что привело меня в такое уныние. Услышала причину. Уговариваю ее к бегству; она не отказывается. Прошу молчать, дает обещание; и долго перешептываясь, колеблемся между надеждою и страхом. Было у меня в стаде два козла удивительной величины. Убивши их, я делаю меха (для воды), а мясо их приготавливаю себе на дорогу. И в первый же вечер, когда господа думали, что мы где-то спим, мы отправились в путь, неся меха и куски мяса. А когда дошли до реки, бывшей в расстоянии десяти миль, то, надув меха и севши на них, мы пустились по воде, только слегка подгребая ногами; это для того, чтобы река снесла нас вниз и прибила к другому берегу гораздо далее, чем мы сошли в нее, и чтобы преследующие нас потеряли след. Но между тем мясо измокло, а отчасти было растеряно; пищи у нас едва осталось на три дня. Пили мы до пресыщения, приготавливая себя к будущей жажде. Бежим, постоянно озираясь назад; и более выходим в путь по ночам, чем днем, частью опасаясь нападения всюду бродящих сарацин, частью по причине чрезмерного зноя солнечного. Я бедный ужасаюсь, даже рассказывая, и хотя всюю душою чувствую себя в безопасности, дрожу всем телом от ужаса.

Спустя три дня мы увидели уже совершенно ясно двух всадников, которые быстро неслись на верблюдах. Уму нашему, предчувствующему дурное, тотчас представился господин и мысль о смерти; самое солнце потемнело в наших глазах. Ужаснувшись и поняв, что нас выдали следы на песке, мы увидели с правой стороны от себя пещеру, которая глубоко

входила в землю. Итак, опасаясь ядовитых животных (потому что ехидны, аспиды, скорпионы и другие подобные животные, избегая солнечного зноя, обыкновенно ищут тени), мы хотя и вошли в пещеру, не пошли далеко, чтобы, убегая от смерти, не встретить смерти; но тотчас же у самого входа с левой стороны спрятались в яму. Мы думали так: если Господь поможет несчастным, спасемся; если презрит грешников, найдем там гроб. Можешь представить себе, что было у нас на душе, сколько испытали мы страха, когда господин и один из бывших с нами у него в рабстве остановились у пещеры не далеко, и по следам подошли к самому месту, в котором мы скрывались? О, смерть несравненно тяжелее, когда ждешь ее, чем когда она наступает действительно! Вот снова от страха и ужаса едва ворочается язык, и будто под крик господина не смею я пикнуть... Он послал раба выгнать нас из расселины; а сам держал верблюдов и с обнаженным мечем ждал нашего выхода. Между тем слуга вошел внутрь на три или четыре локтя; мы из места, где скрывались, видели его спину (потому что таково свойство глаз, что входящие во мрак после солнечного света не видят ничего); по пещере раздавался голос: «выходите, бездельники, выходите, висельники: чего стоите, чего медлите? выходите, господин зовет». Еще он говорил, как вдруг мы увидели сквозь мрак, что на него бросилась львица и, сдушив горло, потащила окровавленного в глубь (пещеры). Благий Иисусе, сколько испытали мы тогда ужаса, сколько радости! Господин не знал, когда враг наш погиб на глазах наших. Видя, что тот медлит, он подумал, что двое нас сопротивляются одному. Не будучи в состоянии удержать гнев, он как держал меч, так и вошел в пещеру. Но, ругая с бешеным криком слугу за медленность, он еще не дошел до места, где мы скрывались, как был схвачен зверем. Кто бы поверил когда-нибудь, что перед лицом нашим за нас сражался дикий зверь? Когда же миновала одна опасность, пред глазами нашими была другая гибель; не легче было подвергнуться ярости льва, чем гневу человека. Мы ощущали в душе страх и, не смея даже пошевеливаться, ждали, что будет, имея в такой опасности, вместо каменной стены, единственную ограду в сознании чистоты своей. Но львица, опасаясь хитрости и чувствуя, что на нее смотрят, рано утром вынесла в зубах львенка, и оставила нам наше убежище. Не довольно однако же уверенные в своей безопасности, мы не тотчас бросились вон; но ждали долго и, думая выйти, представляли себе возможность встречи с нею.

Когда страх миновался и прошел тот день, мы вышли под вечер; и увидели верблюдов, которых за чрезвычайную скорость бега зовут

дромадерами. Они пережевывали прежнюю пищу, извлекая ее снова из желудка, в который была опущена. Сев на них, и обрадованные новым дорожным провиантом, мы чрез пустыню достигли, наконец, на десятый день римского лагеря. Представленные трибуну, мы рассказали ему все по порядку; оттуда переслали нас к Сабриану, правителю Месопотамии, и мы получили деньги за верблюдов. Но так как мой прежний настоятель уже умер, то, перешедши в эти места, я снова поступил в монахи, а ее сдал с рук девам: потому что, хоть и любил я ее как сестру, но не доверялся ей, как сестре.

Вот что рассказал мне в детстве старик Малх. И я, тоже старик, рассказал вам, изложил для чистых историю чистоты. Убеждаю девственников хранить чистоту. Вы, в свою очередь, расскажите потомкам; пусть знают они, что целомудрие никогда не может быть отнято, ни под мечами, ни в пустыне, ни между дикими зверями; и человек, преданный Христу, может умереть, но не может быть побежденным.

Примечания

¹ - То есть от еврейского מֶלֶךְ (melech) – царь.

Содержание

Блаженный Иероним Стридонский Жизнь пленного монаха Малха преподобный Иероним Блаженный, Стридонский	1
Примечания	8